

АРХІВИ

ВІДГУКИ ОФІЦІЙНИХ ОПОНЕНТІВ ДОКТОРСЬКОЇ ДИСЕРТАЦІЇ ЙОСИПА ОЛЕКСІЙОВИЧА ДЗЕНДЗЕЛІВСЬКОГО

Найважливішою науковою працею **Йосипа Олексійовича Дзендзелівського** вважається тритомний «Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області України» (Ужгород, т. 1. – 1958, т. 2. – 1960, т. 3. – 1993), що включає 517 лінгвокарт та 5578 лексем (разом із варіантами), зібраних у 212 населених пунктах краю та описаних в атласі.

Перші два томи доповнювали двотомне дисертаційне дослідження «Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР», представлене на здобуття вченого ступеня доктора філологічних наук. Захист відбувся 28 грудня 1961 року в Ленінградському університеті. Офіційними опонентами докторської дисертації стали:

Ларін Борис Олександрович (5.01.1893, м. Полтава – 26.03.1964, м. Ленінград, нині Санкт-Петербург) – російський і український мовознавець, перекладач, член-кореспондент АН УРСР (з 1945 р.), академік АН Литовської РСР (з 1949 р.). Йому належать дослідження з історико-порівняльного та загального мовознавства, розвідки зі слов'янських, балтійських та індійських мов. У галузі україністики вчений віддавав перевагу питанням діалектології, був одним із організаторів підготовки «Атласу української мови». Серед перших почав вивчати мову міського населення.

Філін Федот Петрович (23.02.1908, с. Селіно, тепер Дубенського району Тульської області – 5.05.1982, м. Москва) – російський

мовознавець, доктор філологічних наук (з 1947 р.), професор (з 1948 р.), член-кореспондент АН СРСР (з 1962 р.), дослідник історії російської мови, проблем загального мовознавства, соціолінгвістики, співавтор і редактор 17-томного «Словаря современного русского литературного языка» (1948–1965), низки інших словників. У своїх дослідженнях часто звертався до української мови, використовуючи дані давньоукраїнських пам'яток, діалектів та сучасної української літературної мови для тлумачення значення і походження ряду давньоруських слів, які в сучасній російській мові не збереглися.

Вашенко Василь Семенович (26.02.1905, м. Ніжин, тепер Чернігівської області – 12.11.1993, м. Дніпропетровськ) – український мовознавець, доктор філологічних наук, професор (з 1959 р.), старший науковий співробітник відділу словників Інституту мовознавства АН УРСР. Є автором праць з української діалектології та лінгвогеографії, лексикології, лексикографії, семасіології, лінгвостилістики, історії українського мовознавства та української літературної мови.

Пропонуємо тексти відгуків про докторське дисертаційне дослідження **Й. О. Дзендзелівського** його офіційних опонентів: **Б. О. Ларіна** – повністю, **Ф. П. Філіна** та **В. С. Вашенка** – фрагменти (зі збереженням графічних та інших особливостей авторського тексту).

Машинописні тексти відгуків зберігаються в сімейному архіві Дзендзелівських.

Г.В.Шумицька,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри журналістики УжНУ

1. Відгук професора Бориса Олександровича Ларіна

Отзыв проф. Б. А. ЛАРИНА о диссертации И. А. Дзендзелевского «Лингвистический атлас украинских народных говоров Закарпатской обл. УССР. Лексика.» Исследование, т. I, 335 стр.; т. II, 265 стр. Ужгород, 1961 Атлас, т. I, Введение, 18 стр., указатели, 8 стр.; + карты №№ 1–120 + сводные карты №№ 1–10 2 адм. карты + 5 запасных. т. II, Введение, 10 стр., указатели, 12 стр.; карты №№ 121–270 + сводные кк. №№ 11–29+4 запасных.

Исключительный научный интерес говорам Закарпатья – как редкостного конгломерата диалектов и языков – совершенно очевиден после больших работ И. Панькевича и Дзендзелевского, основанных на многолетнем и весьма проницательном их изучении.

Горы, предгорья уже сами по себе географически обусловили большую чем на

равнинах раздельность, известную изолированность друг от друга районов, их населения и языка. Относительная самобытность, обособленность развития определялась кроме того и политическими судьбами этого края, не раз поделенного и переделенного, переходящего из-под одних владетелей к другим и почти на тысячелетие / с

XI в. / оторванного от своего языкового массива – Украины.

Под властью венгров, австрийских немцев, чехов, в тесных связях с поляками, словаками, румынами, болгарами, сербами, хорватами – закарпатские украинцы усвоили очень много иноязычной лексики, но вместе с тем лучше, чем матриархальные говоры, они сохранили многие архаизмы, когда-то общеславянские или общевосточно-славянские, как сохранили и некоторые черты воззрений, быта, хозяйства, восходящие к глубокой древности /см. разделы о словах: челядь, лазиво, деревище, віно, время, о названиях игр перед погребением и т. д./.

Теоретический интерес исследования И. А. Дзензелевского – в очень тонком анализе языковых слоев и напластований от древнекиевской эпохи до нашего времени. В этой диссертации наглядно установлены разные типы и степени смешения языков.

Наконец, исторический интерес исследования – в обогащении и уточнении сложившихся научных суждений о путях и географических границах заселения Закарпатья.

И. А. Дзензелевский доказал солидными лингвистическими аргументами древность украинского населения в Закарпатьи /с IX–X в., если не раньше). Он прояснил внутриязыковые, междиалектные отношения в Закарпатьи; на прочных исторических и лингвистических основаниях он утвердил новую, значительно более полную и точную, чем у всех его предшественников – классификацию украинских говоров Закарпатья /2-й том диссертации/.

Блестящий раздел диссертации /т. II, стр. 156–190 и 246–48/, посвященный истории сложения Боржавской группы говоров, показал, что решающее значение приобретает лингвистическое исследование там, где историческое не может быть завершено из-за скудости, фрагментарности, недостаточности прямых исторических документаций и свидетельств. Автор точно установил место расселения большой группы волянян и подолян, приведенных сюда в конце XIV в. кн. Федором Корятовичем.

А вместе с тем именно широкое использование исторических, археологических и этнографических данных и научных положений этих соседних дисциплин дало автору диссертации возможность написать превосходные этюды по истории слов на фоне истории культуры /см. разделы: дудки, стр. 112–14; рік – год, стр. 190–93; кулак – пять, стр. 253–56; лазиво, стр. 257–59; одіж, стр. 263–65; хвіртка, стр. 288–90; домовина, стр. 292 и мн. др./.

И. А. Дзензелевский сумел найти свою методику разработки языковых связей в этом запутанном и туго стянутом Карпатском узле. Он не дает длиннейшего перечня заимствований, а

устанавливает двусторонние, обоюдные влияния украинского и польского, украинского и словацкого, украинского и мадьярского /венгерского/ и т. д. Кроме парных языковых связей он установил еще и более широкие, тройственные и четверичные языковые связи и общности. Оставаясь все время на горизонте лингвистической географии, он называет свой подход к материалам "ареальным методом", т. е. строит историю языковых связей путем анализа и истолкования ареалов лексем.

В итоге большой работы над своим трехтомным Атласом лексики И. А. Дзензелевский дал ценную для теории лингвистической географии характеристику регионального атласа – в отличие от общезыкового атласа всей территории распространения языка.

Теоретически он обосновал и свою методику картографирования /стр. 35–50/, систематизировал приемы сигнализации на картах языковых противопоставлений. Пестроту вариации лексических соответствий он подчинил тройственной градации /стр. 38/:

- 1) этимологические противопоставления /различия по корню/;
- 2) словообразовательные противопоставления;
- 3) фонетические вариации одного слова.

Первые он решал обозначать – цветом, вторые – различием фигур, третьи – дополнительной штриховкой /внутри окрашенных фигур/. Мне представляется неудачным выбор цвета для основных определяющих различий: 1) ввиду того, что цвет в типографском наполнении карт – самая ненадежная вещь, как мы видим это и в данном Атласе; 2) ввиду возможности и практической целесообразности издания одноцветных атласов. Фигура должна быть главным различителем, а цвет, штриховка, заполнение /черным/ – дополнительными средствами выражения в лингвистическом атласе.

Не вызывает возражения мысль И. А. Дзензелевского о возможности освобождать карту от лишних подробностей /например, лексическую карту от сигнализации фонетических вариантов одного слова/, перенося эти второстепенные по значению сведения в комментарии. Но он сам в ряде карт допустил такие ненужные излишества сигнализации.

Наряду с нарицательными словами для историко-сравнительной характеристики лексического состава говоров привлечены и некоторые собственные личные имена (Гелена, стр. 92; Янко, стр. 125 и др.), многочисленные топонимы (стр. 99, 317, 393 и мн. др.), чего до сих пор наши диалектологи и лингвогеографы не делали.

В этой работе много новаторского и вместе с тем она отличается большой

убедительностью вследствие основательной аргументации и последовательной /иногда даже чересчур сдерживающей/ осторожности в выводах. Например, можно было проявить больше уверенности и пойти дальше в историческом истолковании слова дойница /стр. 107-109/, которое автор склонен считать исконно украинским, но упоминает все же о возможности его заносного происхождения в силу того, что оно принадлежит к запасу слов пастушеского обихода. Это припоминание пастушеских миграций здесь совершенно излишне. Доение коров не может быть принято за критерий пастушеского быта, "дойница" – не термин. Точно также вывод автора об исконности в закарпатских говорах слова повойник /стр. 190-81/ повис в воздухе из-за множества инославянских параллелей, в этом этюде не хватает более полной разработки истории значений нанизанных тут слов – в каждом из славянских языков.

Сделав два-три шага вперед в своей области, И. А. Дзензелевский – по тяготеющей над всеми нами закономерности – не мог не сделать и шаг назад. По традиции лексикографических исследований он расположил весь материал внутри каждого большого раздела диссертации в алфавитном порядке. При такой композиции работы /особенно в главе «Западно-славянско-украинский ареал», стр. 64-234/ вперемешку идут и слова, общие с праславянской эпохи, и полонизмы в украинском, и украинизмы в польском, и, наконец, общеукраинские инновации, имеющие соответствия в польском или словацком. Это создает, правда, впечатление органического, живого сращения всех этих корней и начал, может быть, к такому впечатлению и стремился автор. Но мне кажется предпочтительным дать гроздь этих лексикологических разысканий в исторической перспективе, по эпохам, по периодам развития украинских говоров Закарпатья.

Хотя в итогах по каждому разделу дается номерная систематизация /перечни номеров статей/ пройденного по алфавиту материала – в порядке языков – источников, но этот паллиатив не спасает. Вместо алфавитной композиции следовало дать общий алфавитный указатель слов к двум томам диссертации, а разбить материал именно исторически, как бы это ни было ответственно и трудно.

Не всегда диссертант безупречен и точен в формулировке своих общих положений и принципов своего исследования. К примеру, он несколько раз настаивает на том, что специфика лексики в ее атомарности /напр., т. II, стр. 88–89/: "Слово є поодиноким фактом мови, а не системним явищем." Именно такой традиционный тезис и вызвал лет 80 назад энергичный протест основоположника лингвистической географии во Франции, Жюль Жильерона, написавшего на основе своего Атласа ряд исследований,

доказывавших именно системную природу лексики и объяснявших исчезновение слов, контаминации слов, появление новых слов, фонетические и морфологические модификации слов – прежде всего системными связями, системными тяготениями в словарном составе говора или языка. Да и большинство этюдов самого И. А. Дзензелевского не отвергают, а вскрывают системный характер словаря закарпатских говоров. На этом основано и привлечение собственных имен и топонимов. Системным давлением объясняется вытеснение некоторых слов /напр., деревище/. Умозаключения об исчезнувшем существительном по наличию производных прилагательных, сделанное автором, тоже базируется на системности лексики /словообразовательное гнездо – это опора системности в лексике/. Не случайно ведь диссертант группирует лексику и рассматривает вместе имена родства, термины сельского хозяйства, слова пастушеского обихода и т.д. /см. хотя бы перечень его опубликованных работ в Автореферате/.

Недостатки и промахи работы, на мой взгляд, нередко объясняются именно ослаблением внимания к системности лексики. Например, автор получил бы более уверенные и точные выводы, если бы он историю слова лавка /стр. 149–150/ в значения 'кладка через поток' и т.п. не изолировал от слова лава в том же значении в украинских, белорусских в некоторых южно-русских диалектах, и, наоборот, слово прядки нельзя оторвать в историческом аспекте от супрядки, випрядки, как вторичное укорочение слова /стр. 187/, чего автор и не заметил из-за алфавитной разбивки слов.

Конечно, системность лексики не так жестка, строга, не так очевидна, как в фонетике и грамматике. Об этом надо сказать более точно и обстоятельно. Едва ли тут мы с диссертантом стоим не противоположных позициях. Я вижу в этом /с того я и начал свое возражение/ только небрежность формулировки.

Изолексы – изофоны и изоморфы могут совпадать, как на территории гуцульского клина, но это не правило, а скорей исключение, оно обусловлено, как указал сам автор, одновременным массовым вселением, волной колонизации с Севера, из-за Карпат. Диссертант признал, что границы, например, мараморошской и боржавской, или мараморошской группы говоров и верховинской, верховинской и бойковской – не так четки, как пучки изоглосс, выделяющие гуцульский "полуостров" в Закарпатья; бывают и еще более расходящиеся изофоны-изоморфы-изолексы. Такое положение вещей, например, мы констатировали в прошлом году, когда составлен был ряд фонетических, морфологических и лексических карт Псковщины. Следовательно, надо осторожней, с

ограничениями сформулировать соотношение изоглосс лексических, фонетических и грамматических.

Не точно в историческом плане называть инновациями борть при душло; вѣно при часть; пасѣка при пчельник, роля при орамица; скородить при боронить и т. д., так как у нас нет убедительных доказательств даже относительной новизны первого члена каждой из этих пар. Они одинаково древни, судя по сравнительным данным других родственных языков.

Как во всякой работе, и в этой диссертации есть мелкие промахи.

Украинские гладуш, гладушка, гладушик выводятся из глек таким способом (т. I, стр. 240): "Замена корневых е на а и к на д, возможно, произошла вследствие народной этимологии через сближение с гладкий." Правильней не связывать эти слова по происхождению. Не исключено, что наименование горшка гладуш не прямо произведено от прилагательного гладкий, а имеет иное, лишь омонимичное происхождение; и вот тут было бы уместно допустить сближение слов гладуш и гладкий по народной этимологии, но глек со словом гладуш никак не связано ни по "научной", ни по "народной" этимологии.

Действительно важно и доказательно, что слово дрот /инновация XVI–XVII вв./ вошло в говоры украинского языка из немецкого /Draht/, но на этой констатации нельзя воздвигать такой весомый вывод /стр. 111/: "Это – свидетельство того, что исследуемые говоры в этом случае в отрасли словарного состава в основном переживали те же процессы и тенденции языкового развития, что и другие украинские диалекты и литературный язык."

Закарпатское зась – как выражение запрета – развилось на украинской почве, но не из польского zaś- со значением 'снова, опять', а из древнего значения 'назад' /за ся !/.

Преимущественный интерес многих исследователей говоров Закарпатья к заимствованиям, увлечение тонкими приемами различения заимствований словацких от польских или чешских и т. д. обусловили некоторые поспешные и неточные суждения об отдельных украинских словах. Например, о наречии закарпатских говоров вил'о, вел'о И.А. Дзендзелевский пишет /стр. 82/: "Теперь /это слово/ носителями исследуемых говоров осознается как словакизм, хотя исторически оно является полонизмом. В прошлом заимствование, видимо, шло параллельно." Однако у Срезневского /Материалы, I, 233/ есть наречие веле /в цитате: "О веле великое!" и прил. велий /I, 234/, и много сложных прилагательных и существительных с начальным компонентом веле – /велехвальный, велерѣчивый, велеокий, велемудрый, веледушие/, что указывает на

существование в древних восточных славянских языках наречия веле. Следовательно, нет достаточных оснований предполагать тут инославянское заимствование в закарпатских говорах.

Не следовало повторять /стр. 295/ ошибку Носовича и Матценауэра, будто польское szatkować /'сечь капусту'/ заимствовано из литовского szatka, szitka. В литовском языке нет этих слов, они могли быть записаны поверхностным наблюдателем из уст двуязычных литовцев, говорящих с ошибками по польски. Напрасно диссертант не принял во внимание предостережение А. Преображенского ("нет у Нессельмана и Куршата").

Оле гораздо древнее, чем одем, оно засвидетельствовано в древнерусском /см. Материалы... Срезневского, II, 658/, поэтому нет оснований выводить его из словацкого или считать только украино-словацким.

Не использованы надлежащим образом литовские данные для этимологии укр. зозуля, зезюля, загоска /древнерусское зегъзица/. Надо сопоставить эти слова не с редкостными песенно-диалектными литовскими gegà, gegė, а с широко распространенными в говорах и в литературном языке gegužė, gegužėlė, которые имеют общий состав основы с украинскими словами; на основе этих литовских слов восстанавливается общеславянское жегъз-ица, жегъз-уля, жегъз-ька (см. R. Frantmann. Baltisch-Slavisches Wörterbuch, s. 81). У Дзендзелевского /стр. 124/ неточная реконструкция.

Мелкие недосмотры на стр. 74 /цитата без искомого слова ярмарок в качестве первой документации 1463 г./; на стр. 141 ковальня в Ж. Саввы не в значении 'кузница', а в значении 'наковальня'; на стр. 298 Бургундия отнесена к "Німеччине", но в XI в. это была уже страна романской культуры, германским по происхождению осталось только ее название.

В Атласе /II, № 142/ сомнительна карта "названия похоронных игр-забав при умершем /общие названия/", так как здесь приведены данные по частным, а не по общим именованям: допаткі - 'игры при умершем ребенке'; свіченя – 'при умершем взрослом'. На некоторых картах у одного н/п поставлено 3–5 знаков /см. напр. карту № 153 во II т.: п. 199 – четыре знака, п. 94 – пять знаков, пп. 93, 95, 210, 212 – по три знака). Вот где нужна была "разгрузка карты"! Есть мелкие несоответствия знаков в легенде и на карте /например, на карте 153 есть знак , не объясненный в легенде; на карте 240 не включен в легенду знак , а есть знак , отсутствующий на карте/.

Все эти мелочи и частности легко могут быть исправлены и они не умаляют заслуг диссертанта, подготовившего и издавшего первый украинский региональный атлас и

написавшего превосходное исследование о закарпатских говорах украинского языка, доказавшего плодотворность умелого анализа и комментирования лингво-географических данных.

И.А.Дзензелевский – один из выдающихся исследователей истории и диалектологии украинского языка – безусловно заслуживает присуждения ему степени доктора филологических наук.

Академик АН Лит. ССР, заслуженный деятель науки РСФСР, член-корр. АН УССР проф. В.А.Ларин

27 января 1961 г., г.Ленинград

2. Відгук Федота Петровича Філіна

ОТЗЫВ о диссертации И. А. Дзензелевского «Лингвистический атлас украинских народных говоров Закарпатской области УССР», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук

Докторская диссертация Иосифа Алексеевича ДЗЕНДЗЕЛЕВСКОГО представляет собой целый комплекс работ, объединенных одной темой, имеющих одну общую цель. В 1958 году в Ужгороде была опубликована первая часть «Лингвистичного атласу українських народних говорів Закарпатської області УРСР (лексика)», состоящий из вступительных замечаний, двух вспомогательных карт, 120 лексикологических карт и II сводных карт. Эта часть атласа получила высокую оценку в рецензии В. М. Илич-Свитыча и Г. К. Венедиктова, напечатанной в журнале "Вопросы языкознания", 1960, № 3, с. 117–121. В 1960 г. в том же Ужгороде напечатана вторая часть атласа, карты №№ 121–270 и сводные карты №№ 12–29. Вторая часть является по своим теоретическим установкам, методике и материалу продолжением первой части. Находится в печати третья часть атласа. Кроме лексикографических карт и комментариев к ним, составивших названный атлас, И. А. Дзензелевский опубликовал целый ряд статей, посвященных некоторым вопросам закарпатской диалектологической лексикологии: системе числительных, народной метрологии, терминам родства и свойственных отношений, терминологии, связанной с ткацким станком, названиям кукурузы, названиям сельскохозяйственных орудий и их частей, лексике овцеводов, названиям сельскохозяйственных культур и другим разрядам лексики. К этим обширным материалам и наблюдениям И. А. Дзензелевский присоединил два тома /334 плюс 264 машинописные страницы/ исследований, в которых представлен развернутый анализ материалов атласа, с широким привлечением данных древнерусской, староукраинской и современной украинской письменности, данных других славянских языков. Первый том посвящен исследованию украинско-западославянских лексических ареалов, второй том классификации закарпатских говоров (главным образом, по данным лексики) и связям этих говоров с другими говорами украинского языка. <...>

Прежде всего, должен сказать, что исследование И. А. Дзензелевского представляет собой выдающуюся, исключительную работу среди всех других славистических работ, посвященных региональным атласам, региональной лексике. Русские региональные атласы Мальцева и Филина /атлас района озера Селигер/, Аванесова и др. /говоры к востоку от Москвы/, польские региональные атласы Милецкого и Нитша, Дейна, Штибера и другие только в некоторой своей части посвящены лексике, тогда как атлас Дзензелевского целиком построен на лексике. Атласы молодых польских исследователей Сятковского, Городыской и др., опубликованные под общим названием «Słownictwo Warmis i Mazur», также не идут в сравнение с атласом Дзензелевского, поскольку они строятся на узко ограниченных тематических разрядах лексики.

Одним словом, атлас Дзензелевского пока что единственный в своем роде в славистической лингвистической литературе. Будем надеяться, что он послужит образцом для других региональных лексикологических атласов, в которых у нас имеется большая нужда. Исследование И.А.Дзензелевского является исключительным и по широте охвата лексики определенной группы говоров, по глубине своего анализа. Автор прекрасно использует преимущества, которые дает исследователю умелое применение принципов лингвистической географии, широко привлекает данные других славянских языков. Ценность работы И. А. Дзензелевского должна быть оценена еще более высоко, если учесть, что украинские закарпатские говоры представляют во многих отношениях особый интерес для славистики. Быть оппонентом при обсуждении такой диссертации – одно удовольствие.

Лексические материалы атласа разнообразны и могут послужить предметом не одного исследования. В одной диссертации нужно было сосредоточить внимание на нескольких аспектах. И. А. Дзензелевский прежде всего

поставил перед собой задачу исследовать украинско-западнорусские лексические связи. Это очень важная проблема. Без решения этой проблемы невозможно правильно определить специфику лексики не только закарпатских говоров, но и украинского языка, место и положение украинской лексики в системе лексики славянских языков, прежде всего, в системе языков восточнославянских. В свое время Брюкнер, стоявший на позициях польского великодержавного шовинизма, сильно преувеличивал количество и значение полонизмов в украинском языке. С другой стороны, некоторые современные украинские лингвисты пытаются, наоборот, свести разряд полонизмов в украинском языке к ничтожной лексической прослойке, говорят об освобождении украинского языка в XVI–XVIII ст. от губительной польской языковой экспансии /см. тезисы доклада И. К. Белододе, Г. П. Ижакевич, З. Т. Франко «Взаимосвязи между украинским и другими славянскими языками в XVI – начале XVIII в.». Тезисы докладов на совещании по проблемам образования русского национального языка в связи с образованием других славянских языков, М., 1960/, тем самым неправомерно отождествляя политические явления с явлениями языка. Разумеется, в языке мы должны видеть то, что в нем имеется, а не то, что нам хочется. Основа лексики украинского языка, как русского и белорусского, восточнославянская, восходящая к древнерусскому языку. В специфической части украинской лексики, отличающей ее от лексики русского языка, по видимому, преобладает слой собственно украинских новообразований, созданных на базе исходной древнерусской лексики. В то же время в этой дифференциальной части украинской лексики безусловно высок удельный вес полонизмов, что странно было бы отрицать. Если слово отсутствует в древнерусском языке, если его нет в русском языке и его диалектах, но оно имеется в украинском языке и в польском языке, а также в других западнорусских языках /т.е. слово имеет свою историю на западнорусской почве/, то в большинстве случаев мы имеем дело с полонизмами в украинском языке. Ср. такие полонизмы, как перший (из. польск. *pierwszy*), інший (< *inny*), лазня (< *łaźnia*), рада, шкода, шукати и многие другие слова, которые давно стали обычными в украинском языке и которые заметно отличают украинский язык от русского, составляют значительную часть лексической специфики украинского языка.

И.А.Дзензелевский – объективный исследователь, чуждый тенденциозности. Если некоторые его примеры являются спорными в смысле отнесения их к тому или иному типу украинско-западнорусских лексических связей, то это обусловлено спорностью самого рассматриваемого факта. <...>

И.А.Дзензелевский располагает свои наблюдения в первом томе рукописной монографии в виде развернутых словарных статей, расположенных в алфавитном порядке. В статьях приводятся данные о распространении слов на территории украинского языка и западнорусских языков, более скромные сведения об употреблении их в русском и белорусском языке, материалы о первой фиксации слов в древнерусских, староукраинских и западнорусских письменных памятниках, разного рода исторические и этимологические комментарии. Все в целом представляет собой такой материал, который будет важным пособием для дальнейшей разработки исторической лексикологии славянских языков. Я лично буду с нетерпением ждать выхода в свет исследования И. А. Дзензелевского, которое, конечно, должно быть непременно опубликовано и в ближайшее время. <...>

В этой связи мне хочется сказать несколько слов о резко отрицательной оценке, которую И.А.Дзензелевский дает лингвистическим работам Г. Геровского. И. А. Дзензелевский определяет Г. Геровского как реакционного русофила, пытавшегося безосновательно считать закарпатские говоры русскими, а не украинскими. Г. Геровский, конечно, при решении этого вопроса заблуждался: закарпатские говоры являются несомненно украинскими. Это бесспорно. Однако, вряд ли будет правильно отбрасывать все его конкретные сопоставления закарпатско-украинских и русских говоров как в области лексики, так и в области фонетики. Мне, например, интересно было бы узнать мнение диссертанта о сопоставлении Г. Геровским древнерусских сочетаний гл, кл с формами буг /богль < бодль'/, 'бодал'/, плюг 'плег', плюг 'мёл', привюг 'привел' в закарпатском восточноземплинском говоре на Пряшевщине в Словакии. Исследование явлений, объединяющих закарпатские говоры с русским языком и в то же время отличающих эти говоры от украинской речи, является безусловно очень важной проблемой. Такие явления своими корнями уходят в эпоху древнерусского единства, и даже в праславянскую древность, когда еще не было современных восточнославянских языков. Некоторые древнерусские и праславянские архаизмы исчезли и на территории украинского языка, но сохранились в Закарпатских говорах и в русском языке или отдельных его диалектах. Не следует забывать, что закарпатское население долгое время находилось в изоляции от украинского массива. Нужно также учитывать, что в близкородственных закарпатских и русских диалектах могли также параллельно развиваться общие явления на древнерусской исторической основе и в позднее время. Мне представляется, что И. А. Дзензелевскому следовало бы сделать

значительный поворот в сторону изучения закарпатско-русских лексических ареалов, от чего выиграло бы и исследование закарпатско-западнорусских связей. Вполне вероятно, что закарпатское водовод действительно является совсем поздним чехословакизмом (водопроводы в закарпатской деревне появились недавно), а орловское водовод Бунина образовано вне всякой зависимости от закарпатского слова. Однако, самый факт такого буквального совпадения в диалектах восточнославянской языковой области не может быть игнорирован, должен быть объяснен. Ведь включает же И. А. Дзензелевский в свое исследование слова идентичные, которые образовались в украинских говорах и в западнорусских диалектах. Подчеркивает же автор важность изучения закарпатско-южнорусских связей, хотя специального раздела, посвященного этой теме, в его диссертации нет. Критикуя Геровского, не следует вместе с водой выплескивать из ванны и ребенка.

Очень интересен и научно значим и второй том монографии И. А. Дзензелевского. В нем автор использует изоглоссы лексических диалектных явлений в Закарпатье. Исследование также дает в виде словарных статей, в которых приводятся лингвогеографические сведения, материалы для исторических комментариев изоглоссы и самые эти комментарии. На основании группировки изоглоссы в пучки диалектных линий автор выявляет отдельные диалектные зоны – отдельные закарпатские говоры: гуцульские, мараморские, боржавские и ужанские, частные подразделения внутри каждой группировки. Работа выполнена с большим знанием дела, мастерски и эту часть монографии также следует по возможности скорее напечатать. Замечания об этой части которые у меня имеются, тоже носят частный характер и не могут повлиять на общую высокую оценку диссертации, поэтому я их и вовсе не буду сообщать Ученому Совету, тем более, что мое выступление уже несколько затянулось. Сделаю, пожалуй, только одно замечание в самом общем виде. Очевиднее среди

закарпатских говоров выделяются говоры гуцульские. Что же касается других говоров, то границы между ними в значительной мере условны. Внимательно рассматривая карты атласа, я заметил, что кроме пучков изоглоссы /которые на сводных картах подаются в известной мере приближенно, схематически/, имеется немало и таких изоглоссы, которые пересекают территорию определяемых говоров в самых разнообразных направлениях. Иначе и не может быть в системе близких говоров одного и того же языка. В этой системе нет таких лингвистических барьеров, которые препятствовали бы подчас самому прихотливому распространению отдельных диалектных явлений. Еще в тридцатых годах я пришел к выводу, что позиции французской лингвистической географии в проблеме определения диалекта и его границ ближе к истине, чем позиции немецких лингвогеографов, в особенности же позиции некоторых московских диалектологов. Этой точки зрения я придерживаюсь и теперь. Впрочем, это тема для такой дискуссии, которая выходит далеко за рамки обсуждаемой сегодня диссертации.

Перехожу к выводу. Исследование И. А. Дзензелевского безусловно незаурядное явление не только в украинской диалектологии и лексикологии, но и славянской литературе в целом. Автор его – одаренный лексиколог и лингвогеограф, зрелый самостоятельный исследователь, который уже теперь является известным лингвистом-украинистом и славистом и от которого мы вправе ожидать много других значительных исследований. Главные положения диссертации остаются непоколебленными, материал и наблюдения богатыми и ценными, исполнение работы мастерским. Что же касается отдельных недочетов, спорных мест и прочего, что вызывает замечания, то ведь без этого и не бывает настоящей научной работы.

И.А.Дзензелевский вне всякого сомнения заслуживает присвоения ему высшей ученой степени – ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК.

*Доктор филологических наук, профессор Ф. П. Филин
Ноябрь, 1961 года, г. Ленинград*

3. Відгук Василя Семеновича Ващенка

Отзыв о работе И. А. Дзензелевского "Лингвистический атлас украинских народных говоров Закарпатской области УССР", представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук, Ленинград, 1961 г.

Работа И.А. Дзензелевского оформлена в четырех частях, две из них изданы Ужгородским университетом, две – в виде машинописи: "Лінгвістичний атлас ...", частина I, Ужгород, 1958, изд. УДУ; "Лінгвістичний атлас ...", частина II, Ужгород, 1960, изд. УДУ; "Лінгвістичний атлас ...", Дослідження,

том I, Ужгород, 1961, стор. 1-334; "Лінгвістичний атлас ...", Дослідження, том II, Ужгород, 1961, стор. 1-264.

Формулировка темы не вполне отражает содержание и объем диссертации, так как в ней мы находим не только то, что принято в науке называть лингвистическим атласом, но также исследование,

комментарии, выходящие за пределы атласа. А это означает, что перед нами работа очень сложная, комплексная, в которой поставлены как наиболее общие вопросы лингвистической географии, так и многочисленные детали изучения говоров Закарпатья. И все это следует считать положительной стороной работы. Но есть еще одна особенность диссертации, которая привлекает к себе внимание – это то, что она построена на лексическом материале, и это очень важно потому, что в диалектологических исследованиях прошлого лексика обычно не подвергалась анализу, тем более именно в таком аспекте. Следовательно, мы вправе рассчитывать на результаты многолетней деятельности И. А. Дзензелевского в области изучения говоров Закарпатья как весьма плодотворные для нашей науки.

Диссертация И. А. Дзензелевского дает нам возможность понять и оценить все то, в какой мере полезно изучение лексики живых народных говоров. Теперь уже очевидно, как можно развернуть на основе лексического материала исследовательскую деятельность, как удачно такие материалы дополняют труды, построенные на фонетико-грамматических данных. Несомненно, следует признать положительной тенденцию опираться на лексические факты в области диалектологии, они подводят нас к новым теоретическим обобщениям. Часто именно только по лексическим данным мы в состоянии уловить важные события в истории народа, события, как старые, так и относительно новые. Если фонетико-грамматические данные создают представление только о наиболее общих явлениях, то лексические – и о конкретных, обо всем том, что наслаивается вокруг слова, его формы, семантики, вокруг разнообразных видоизменений слова.

Прежде всего, нам надлежит дать оценку первых двух частей диссертации – атласа в собственном смысле. Здесь мы не расходимся с тем мнением, которое уже сложилось в науке. Наоборот, мы лишний раз считаем своим долгом подчеркнуть то, что выход в свет этого издания действительно "является событием в языкознании". "Тем более ценно появление атласа, посвященного одной из самых интересных в диалектологическом отношении областей восточнославянской и вообще славянской территории – украинскому Закарпатья" / См. рецензию в "Вопросах языкознания", 3, 1960 г., стр. 116 и др. / . Уместным будет здесь указать на самостоятельность, оригинальность "Атласа" И. А. Дзензелевского, на критический подход при использовании опыта румынского, польского и других атласов. Это издание будет, несомненно, использовано при составлении как украинского, так и общеславянского атласа.

Высокое качество атласа дает основание считать обоснованными и выводы, в частности те, которые прямо опираются на карты, как например: "Карты атласа переконливо свідчать про значний

приплив українського населення на Закарпаття з районів північних схилів Карпат у XVIII ст. / та, очевидно, XIX ст. / після спустошливих війн кінця XVII – початку XVIII ст. Цей приплив населення простежується і на території Гуцульщини, і на територіях інших говіркових груп; особливу ж силу він мав в районі ужанських говорів" / т. II, стр. 249 /. Если речь идет о явлениях XVIII и даже XIX ст., то, конечно, лексический материал в таких случаях является незаменимым, тем более, если он представлен в лингвогеографическом плане.

В приложенных к атласу "Исследованиях" мы отмечаем также успешное решение вопросов, посвященных изучению украинско-западнославянских языковых взаимоотношений, так наз. "украинско-западнославянских лексических ареалов". Установлено и показано процесс заимствования лексики на почве взаимодействий живых народных говоров. Верно при этом отмечено, что такой процесс является двусторонним. Словарный состав говоров Закарпатья не только подвергался влиянию западославянских языков, но и оказывал влияние на них. В украинско-польских языковых связях устанавливается два этапа: период взаимовлияния, обусловленного равноправным их общественно-политическим положением, и период насильственной полонизации. Такой подход следует признать вполне объективным при объяснении деталей межъязыковых связей. К сожалению, вопрос об украинско-чешских отношениях ограничен характеристикой только одностороннего влияния чешского языка во время чехословацкого буржуазного режима 1919-1938 гг.

Особенно важно то, что И. А. Дзензелевский показывает взаимосвязи как очень сложные явления, дающие специфические лексические факты в виде "общих и параллельных межъязыковых образований". Такая характеристика результатов межъязыкового взаимодействия в общих чертах должна получить положительную оценку, она является новой и заслуживает внимания. Но все же, когда речь идет о деталях эволюции языковой формы, часто с лингвистической точки зрения очень важных, и ее результатах, то здесь мы найдем почву для возражений, для споров, которые неминуемо должны возникнуть /на этом остановимся выше/.

Ценный вклад в славянское языкознание внес диссертант тем, что показал восточнославянизмы в польском языке, в частности украинизмы. Особенно интересны факты влияния украинского языка в отраслях, стоящих вне бытовой лексики, в той числе в области сельскохозяйственной терминологии, юридической, военной. То же показано и в словацких говорах.

Особенно интересно решается вопрос о хронологии заимствований, что вполне возможно

на лексических материалах /и, конечно, мало доступно на фонетико-грамматических/. Поэтому заслуживает внимания такой вывод диссертанта: «Преважна частина цих західнослов'янських, що поширювалися із заходу на схід, очевидно, у переважній більшості була засвоєна або безпосередньо із східнословачьких та південно-східних польських діалектів, або через посередництво сусідніх лемківських говорів. Проте значна частина цих нашарувань і особливо тих, що поширені лише у говірках крайніх західних районів Закарпаття, була занесена лемками в період дозаселення Закарпаття в кінці XVII – першій половині XVIII ст.» /т. I, стр. 384/.

Что касается интенсивности западнославянского влияния на говоры Закарпаття, то и это показано в виде волн, идущих в направлении с запада на восток. Таким образом нам теперь ясно представляется локализация заимствований на территории Закарпаття. Все сформулированное в диссертации теперь уже войдет в научный обиход, так как каждое положение аргументировано и иллюстрировано фактами.

Нельзя не признать удачно разработанной классификации говорів Закарпатской области по лексическим признакам. Диссертант обосновал правомерность лексических данных /лексических изоглосс, изолекс/ и место их в общей характеристике говорів, в частности при решении вопросов классификации. Особенно ценно стремление автора представить не просто голую классификацию закарпатских говорів, не в плане констатации современного их состояния, а дать нечто больше этого. Он старался, как это удачно сформулировано в автореферате, «хотя бы приблизительно оценить анализированные явления хронологически и тем самым, во-первых, в какой-то степени проследить процессы образования или пути формирования современного диалектного членения, а во-вторых, хотя бы в общих чертах выяснить группирование говорів на исследуемой территории в прошедшие периоды» /стр. 29/.

Исходя из отмеченных выше исходных положений, И. А. Дзензелевский выделяет в составе закарпатских говорів такие группы:

1. Гуцульские говоры
2. Верховинские говоры
3. Мараморошские говоры
4. Боржавские говоры
5. Ужанские говоры

И, конечно, автор классификации определяет, прежде всего, географическое положение каждой группы, границы их

распространения. Но этим он не завершает своей классификационной системы. В гуцульских говорах он различает давние и более новые изоглоссы, так как предполагает переселенческое движение в Раховский район из севера Карпат датированное XVI–XVIII ст. В строе гуцульских говорів показаны коренные, типичные восточнославянские элементы, а на этом основании указано на несостоятельность предположений об иноязычном происхождении этих говорів. Показан процесс интеграции гуцульских говорів, сближение с другими закарпатскими в течение XVIII и XIX веков. В верховинских говорах отмечается большое влияние бойковских, поддерживается мнение об относительно новой формации их. В мараморошских говорах вскрываются южнославянские, румынские и мадярские. Наряду с этим показаны глубокие коренные /праславянские, древнерусские/ основы. В боржавских говорах вскрываются внешние влияния двух других групп /мараморошских и ужанских/, объяснено их более позднее формирование. В ужанских говорах отмечается пестрота их строя, многочисленные узлокальные явления, самобытные элементы и т. д. Все это не вызывает возражений. Подробная характеристика говорів в свете таких данных – это, несомненно, результат серьезной исследовательской деятельности И. А. Дзензелевского. <...>

Труд И. А. Дзензелевского – это очень сложное исследование. В нем представлены результаты многолетней деятельности автора по изучению лексики живой народной речи Закарпаття. При этом собран колоссальный по объему фактический материал, который теперь уже находится в научном обиходе. Он получил освещение в разных аспектах. На его основе сформулированы важные для науки положения.

И. А. Дзензелевский разработал обоснованную классификацию говорів Закарпаття и выяснил их отношение к другим говорам украинского языка. Он также показал взаимосвязи изученных говорів, устанавливая украинско-западнославянские лексические ареалы. Все это имеет очень большое значение для понимания основных процессов в жизни и развитии украинских говорів, а также и вообще для характеристики живой народной речи. Этот содержательный труд получил всеобщее признание в кругах специалистов. Он может быть образцом для аналогичных разработок по другим говорам.

Нет сомнения в том, что И. А. Дзензелевский достоин ученой степени доктора филологических наук.

*Доктор филологических наук, профессор В. С. Ващенко
5.XI. 1961 г.*

Матеріал підготували до друку В. І. Пуграшик, Г. В. Шумицька.